

Шесть принцев выстроились в ряд. Император, восседавший во главе, окинул их взглядом и недовольно цокнул языком:

— Чем снова занят Юаньчжао?

Евнух Чэн Дун сделал шаг вперед и с поклоном доложил:

— Второй принц просил раба вашего передать это письмо на усмотрение Вашего Величества.

Император с нетерпением замахал рукой:

— Не желаю я разгадывать его шарады! Совсем страх потерял! В прошлый раз тоже не явился!

— Укротите гнев, Ваше Величество. Второй принц увлечен даосским учением и молится о благоденствии Вашего Величества...

— Хватит, хватит! Раз уж он не любит выходить из дома, передайте указ: я назначаю ему домашний арест на месяц!

Слушая их разговор, Лу Цзыяо вдруг вспомнил, что всего принцев семеро, а в зале сейчас не хватает одного.

Второй принц действительно не пришел!

В оригинальном романе о втором принце упоминалось совсем немного, потому что он был невероятным домоседом и фанатичным приверженцем даосизма — правда, эликсиров не варил, а увлекался лишь философией.

По поводу и без второй принц писал на даосских талисманах какой-нибудь иероглиф или знак и просил передать его Императору или братьям.

Выглядело это крайне таинственно, и никто толком не понимал, что именно он имел в виду.

Лу Цзыяо смутно помнил, что второй принц принадлежал к фракции первого принца, а после падения старшего брата ушел в монахи и отправился странствовать.

Император ничего не мог поделать со своим сыном-даосом. Не то чтобы он его не порол — порол, да только без толку! Не казнить же собственного отпрыска, вот и приходилось пустить все на самотек.

Проверка знаний началась своим чередом.

Следуя старшинству, первым выступал первый принц. Он отвечал легко и бойко, заработав высший балл.

Из-за отсутствия второго принца следующим на черед выходил третий принц — оттенять успехи старшего брата.

Нервничал не один лишь третий принц: пятый принц и Лу Цзыяо переживали не меньше, опасаясь, как бы седьмой принц внезапно не выкрикнул ответ раньше времени.

Шестой принц был еще мал и толком не понимал, чем чреваты выкрики не вовремя.

А вот первый принц был бы только рад, если бы Седьмой выкрикнул ответ, хорошенько

опозорив бездарного третьего брата и заставив того учиться усерднее.

У каждого в зале выражение лица было свое.

Лоб пятого принца покрылся мелкой испариной от напряжения.

Лу Цзыяо, как и другие компаньоны, стоял за спиной своего принца.

Он пристально смотрел на затылок своего малютки Лун Аотяня и мысленно молился, чтобы тот не раскрывал рта.

Однако едва Император задал третьему принцу первый вопрос, Лу Цзыяо заметил, как кончики ушек седьмого принца слегка вздрогнули.

Пропали.

Это верный признак того, что пухлый малыш жаждет вступить в беседу!

Кроха внимательно слушала вопрос и уже готовилась ответить вне очереди!

«Глоть...»

Лу Цзыяо нервно сглотнул.

За мгновение до того, как Император закончил формулировать вопрос, Лу Цзыяо резко вскинул руку и бесшумно... зажал уши седьмому принцу!

Седьмой принц во все уши слушал первую часть, но в момент, когда венценосный отец подводил к вопросу, до него донеслось лишь: «Итак, благородный муж в еде не ищет сытости, в жилище бж-ж-ж-ж...»

С зажатыми ушами седьмой принц озадаченно накренил головочку: «???»

Едва Император закончил спрашивать, Лу Цзыяо поспешно отдернул руки.

Затем эта схема повторилась еще несколько раз.

Император задает вопрос — Лу Цзыяо в решающий момент зажимает пухлому малышу уши — вопрос окончен, руки разжимаются.

Спустя некоторое время третий принц не смог ответить на вопрос.

А седьмой принц просто не слышал, о чем спрашивал отец!

В конце концов Император схватил докладную записку и швырнул ее в третьего принца:

— Бездарь никчемный!

Глаза пятого принца блеснули, в ушах зазвучал фанфарный триумф!

Лу Цзыяо совершил подвиг!

Из-за «внезапной глухоты» седьмой принц за всю проверку так и не услышал вопросов отца!

Проверка завершилась, принцы вышли из Зала Воспитания Разума и вместе дошли до

развилки.

Первый принц снова устроил младшим братьям разнос: прочитает нотацию одному — отпустит.

Остальные принцы один за другим удалились.

В тихом дворцовом переулке остался лишь первый принц. Со строгой миной он сурово наклонился и уставился на низенького, коренастого седьмого принца.

Седьмой принц будто не замечал свирепого взгляда старшего брата и словно в насмешку продолжал помахивать своей маленькой ветряной вертушкой.

Лу Цзыяо опустил голову как можно ниже.

Плохо дело, пухленького малыша сейчас побьют!

Первый принц с ледяным лицом откинул полы халата, опустился перед крохой на одно колено и тихо спросил:

— Весело?

Седьмой принц, не сводя глаз с вертушки, бесстрашно кивнул.

Сердце Лу Цзыяо ушло в пятки: «Всё, пропали...»

Первый принц в гневе внезапно выхватил вертушку! Повернув голову, он придвинулся к пухлому щекастику и тихо погрозил:

— Поцелуешь — отдам обратно.

Лу Цзыяо: «??????»

Седьмой принц обнял первого принца за лицо и чмокнул его.

Красивое, ледяное лицо первого принца мгновенно растаяло в счастливой весенней улыбке. Он тут же принялся с умилением тискать пухлые щечки Седьмого!

Удовлетворенный первый принц вернул вертушку, поднялся и ушел.

Когда тот скрылся за поворотом дворцовой стены, Лу Цзыяо показалось, что он слышит, как первый принц напевает себе под нос веселенькую мелодию.

Какая глубокая, настоящая радость!

Лу Цзыяо почувствовал неловкость: кажется, он случайно узнал тайную сторону первого принца.

Почему этот парень ни капли не похож на хмурого, ожесточенного первого принца из оригинальной книги?!

* * *

Раньше си-фэй не обращала внимания на и-гуйжэнь.

Наложниц, приходивших к ней с лестью, хватало всегда, но с тех пор как си-фэй стала жертвой

козней тун-фэй, она больше не верила их сладким речам.

Поэтому, хотя она и приняла и-гуйжэнь лично, её отношение оставалось вежливо-холодным: ни излишней близости, ни обидных жестов.

Видя, что разговор не клеится, и-гуйжэнь действовала по плану и преподнесла мешочек с благовониями, вышитый своими руками.

Си-фэй совсем недавно пострадала из-за подобного мешочка, поэтому при виде этой вещицы не удержалась от тени гнева на лице, однако быстро вернула улыбку и приняла подарок.

Обнаружив, что внутри нет благовоний, си-фэй немного ослабила защиту. Она похвалила изящное шитье и-гуйжэнь и приказала служанке принести шпильку в качестве ответного подарка.

Понимая по этому строго взаимному жесту, что одним лишь мешочком расположения не добиться, и-гуйжэнь применила главный козырь. Она попросила отослать служанок и открыла си-фэй тайну: Чуньфан — предательница на службе у тун-фэй.

И-гуйжэнь думала, что си-фэй придет в ужас и станет судорожно требовать доказательств.

Однако, услышав имя предательницы Чуньфан, си-фэй почти не изменилась в лице.

Лишь взгляд её вдруг стал отрешенным, и она погрузилась в молчание.

И-гуйжэнь не торопилась перебивать, давая ей время осмыслить услышанное.

Си-фэй опустила глаза на чашку чая. В её памяти всплывали картины того дня, когда Чуньфан умоляла Императрицу о пощаде, беря вину на себя.

Раньше Лу Цзыяо предостерегал её от Чуньфан, но си-фэй казалось, что если это и правда, то Чуньфан просто запугали или подкупили, и она оступилась по глупости.

Она всё еще надеялась искренностью вернуть преданность Чуньфан.

А теперь и-гуйжэнь пришла и прямо заявила: Чуньфан была человеком тун-фэй еще до того, как си-фэй вошла во дворец.

Значит, верность Чуньфан с самого начала была фальшивкой?

Если подумать, в тот день она навлекла на себя гнев Императрицы нарушением запрета лишь потому, что выбрала наряд не того цвета.

А ведь перед выходом Чуньфан предложила ей три наряда, и все они были одного оттенка!

Так это было сделано намеренно?

Си-фэй горько ухмыльнулась.

Даже хитроумная подстава с самопожертвованием была спланирована заранее: Чуньфан намеренно подставила её, приняла на себя удары палками и с легкостью завоевала её абсолютное доверие.

И-гуйжэнь вздрогнула от её внезапного смеха и поспешно зашептала:

— Ваше Высочество, мои слова — чистейшая правда. Вам обязательно нужно беречься этой девчонки Чуньфан. Четвертый с самого детства...

— Я знаю, что ты не врешь, — опомнившись, си-фэй глубоко вздохнула и с печалью посмотрела на и-гуйжэнь. — Просто я очень устала. Есть ли в этом гареме хоть кто-то, кому можно верить?

И-гуйжэнь обомлела. Эти душевные слова означали, что си-фэй приняла её доброе расположение.

Она взвесила каждое слово и искренне ответила:

— Но ведь у нас с вами есть сыновья! Плоть от плоти своей всегда будет на нашей стороне. Я часто слышу от Четвертого, что Седьмой — небывалый вундеркинд и в будущем совершит великие дела. Стоит ли вам тревожиться о будущем?

— Зачем мне его великие дела, — с тоской произнесла си-фэй. — Я лишь молюсь, чтобы он прожил жизнь без бед. Уедет ли он в свои удельные земли или останется в столице, основав собственную усадьбу — лишь бы подальше от этого дворца.

Глаза и-гуйжэнь покраснели, и она дрожащим голосом сказала:

— Дерзну сказать, что моё материнское сердце чувствует то же, что и ваше. Вот только сама я непутёвая — из-за меня сыну приходится расти в лишениях и унижениях. Бог с ними, с моими страданиями, но видеть, как мучается дитя в столь юном возрасте... Когда же закончатся эти дни?

Си-фэй с состраданием посмотрела на и-гуйжэнь и утешила её:

— Раз уж ты доверилась мне от всего сердца, я сделаю всё, что в моих силах, и не стану отказываться.

И-гуйжэнь обрадовалась. Утерев слезы платочком, она подняла глаза на си-фэй:

— У меня и впрямь есть одна просьба к Вашему Высочеству. Я не обладаю такой неземной красотой, как вы, да и тридцать лет мне уже не за горами. Если я не добьюсь хотя бы редкого благоволения Его Величества, нам с сыном вовек не подняться. Поэтому я...

<http://bllate.org/book/18379/1766844>